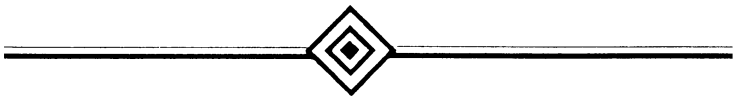
Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?

Ответ на вопрос: что такое просвещение?



Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbst verschuldeten Unmündigkeit. Unmündigkeit ist das Unvermögen, sich seines Verstandes ohne Leitung eines anderen zu bedienen. *Selbstverschuldet* ist diese Unmündigkeit, wenn die Ursache derselben nicht am Mangel des Verstandes, sondern der Entschließung und des Mutes liegt, sich seiner ohne Leitung eines anderen zu bedienen. Sapere aude! Habe Mut, dich deines *eigenen* Verstandes zu bedienen! ist also der Wahlspruch der Aufklärung.

Faulheit und Feigheit sind die Ursachen, warum ein so großer Teil der Menschen, nachdem sie die Natur längst von fremder Leitung freigesprochen (naturaliter maiorennes), dennoch gerne zeitlebens unmündig bleiben; und warum es Anderen so leicht wird, sich zu deren Vormündern aufzuwerfen. Es ist so bequem, unmündig zu sein. Habe ich ein Buch, das für mich Verstand hat, einen Seelsorger, der für mich Gewissen hat, einen Arzt, der für mich die Diät beurteilt, u. s. w., so brauche ich mich ja nicht selbst zu bemühen. Ich habe nicht nötig zu denken, wenn ich nur bezahlen kann; andere werden das verdrießliche Geschäft schon für mich übernehmen. Daß der bei weitem größte Teil der Menschen (darunter das ganze schöne Geschlecht) den Schritt zur Mündigkeit, außer dem daß er beschwerlich ist, auch fur sehr gefährlich halte: dafür sorgen schon jene Vormünder, die die Oberaufsicht über sie gütigst auf sich genommen haben. Nachdem sie ihr Hausvieh zuerst dumm gemacht haben und sorgfältig verhüteten, daß diese ruhigen Geschöpfe ja keinen Schritt außer dem Gängelwagen, darin sie sie einsperrten, wagen durften, so zeigen sie ihnen nachher die Gefahr,

Просвещение—это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. *Несовершеннолетие по собственной вине*—это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude![1]—Имей мужество пользоваться своим *собственным* рассудком![2] Таков, следовательно, девиз Просвещения.

Леность и малодушие—вот причины того, почему многие люди, уже после того, как природа освободила их от чужого руководства (naturaliter maiorennes)[3], все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними и почему другие так легко присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, думающая за меня, духовник, совесть которого заменяет мою, врач, предписывающий мне какую-либо диету и т. д., то я не нуждаюсь в том, чтобы утруждать себя. Мне нет необходимости мыслить, если только я в состоянии платить; другие займутся за меня этим докучливым делом. То, что большинство людей (и среди них весь прекрасный пол) считает не только трудным, но также и весьма опасным переход к совершеннолетию,—об этом уж позаботились те опекуны, которые столь любезно взяли на себя верховный надзор над ними. После того, как они сначала довели до отупения свой домашний скот и заботливо оберегли его от того, чтобы эти смирные создания осмелились сделать хоть один шаг без опеки, которой они их окружили,—после всего этого они указывают им на опасность, грозящую в том

die ihnen droht, wenn sie es versuchen allein zu gehen. Nun ist diese Gefahr zwar eben so groß nicht, denn sie würden durch | einigemal Fallen wohl endlich gehen lernen; allein ein Beispiel von der Art macht doch schüchtern und schreckt gemeiniglich von allen ferneren Versuchen ab.

Es ist also für jeden einzelnen Menschen schwer, sich aus der ihm beinahe zur Natur gewordenen Unmündigkeit herauszuarbeiten. Er hat sie sogar lieb gewonnen und ist vor der Hand wirklich unfähig, sich seines eigenen Verstandes zu bedienen, weil man ihn niemals den Versuch davon machen ließ. Satzungen und Formeln, diese mechanischen Werkzeuge eines vernünftigen Gebrauchs oder vielmehr Mißbrauchs seiner Naturgaben, sind die Fußschellen einer immerwährenden Unmündigkeit. Wer sie auch abwürfe, würde dennoch auch über den schmalsten Graben einen nur unsicheren Sprung tun, weil er zu dergleichen freier Bewegung nicht gewöhnt ist. Daher gibt es nur wenige, denen es gelungen ist, durch eigene Bearbeitung ihres Geistes sich aus der Unmündigkeit herauszuwickeln und dennoch einen sicheren Gang zu tun.

Daß aber ein Publikum sich selbst aufkläre, ist eher möglich; ja es ist, wenn man ihm nur Freiheit läßt, beinahe unausbleiblich. Denn da werden sich immer einige Selbstdenkende sogar unter den eingesetzten Vormündern des großen Haufens finden, welche, nachdem sie das Joch der Unmündigkeit selbst abgeworfen haben, den Geist einer vernünftigen Schätzung des eigenen Werts und des Berufs jedes Menschen selbst zu denken um sich verbreiten werden. Besonders ist hiebei: daß das Publikum, welches zuvor von ihnen unter dieses Joch gebracht worden, sie hernach selbst zwingt darunter zu bleiben, wenn es von einigen seiner Vormünder, die

случае, если те попытаются ходить самостоятельно. Правда, эта опасность не столь уж велика, поскольку, вероятно, в конце концов, после | нескольких падений они научились бы ходить, однако один лишь пример такого рода делает их нерешительными и вообще отпугивает от всяких дальнейших попыток.

Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для него почти естественным. Оно ему даже приятно, и на первый взгляд, он, действительно, не способен самостоятельно пользоваться своим собственным рассудком, так как ему никогда не позволяли сделать подобную попытку. Положения и формулы, эти механические орудия разумного употребления своих природных дарований [или], скорее, злоупотребления ими, являются кандалами, удерживающими в постоянном несовершеннолетии. Даже тот, кто сбросил бы их, сделал бы всего лишь неуверенный прыжок через небольшую канаву, потому что он не привык к такого рода свободному движению. Поэтому лишь немногим, благодаря совершенствованию своего духа, удалось выбраться из состояния несовершеннолетия и обрести уверенную походку.

И, однако, более чем возможно, что публика сама себя просветит, а если только предоставить ей свободу, так это почти неизбежно, так как даже среди поставленных над толпой опекунов всегда найдется тот, кто мыслит самостоятельно и кто сам, сбросив с себя иго несовершеннолетия, распространит вокруг дух разумного уважения собственного достоинства и призвания каждого человека мыслить самостоятельно. Особенно следует иметь в виду, что публика, ранее приведенная [опекунами] в состояние угнетения, затем заставит и их самих оставаться под игом, если ее будут подстрекать [к этому]

selbst aller Aufklärung unfähig sind, dazu aufgewiegelt worden; so schädlich ist es Vorurteile zu pflanzen, weil sie sich zuletzt an denen selbst rächen, die oder deren Vorgänger ihre Urheber gewesen sind. Daher kann ein Publikum nur langsam zur Aufklärung gelangen. Durch eine Revolution wird vielleicht wohl ein Abfall von persönlichem Despotism und gewinnsüchtiger oder herrschsüchtiger Bedrückung, aber niemals wahre Reform der Denkungsart zustandekommen; sondern neue Vorurteile werden ebensowohl als die alten zum Leitbande des gedankenlosen großen Haufens dienen.

Zu dieser Aufklärung aber wird nichts erfordert als *Freiheit*; und zwar die unschädlichste unter allem, was nur Freiheit heißen mag, nämlich die: von seiner Vernunft in allen Stücken *öffentlichen Gebrauch* zu machen. Nun höre ich aber von allen Seiten rufen: *räsonniert nicht*! | Der Offizier sagt: räsonniert nicht, sondern exerziert! Der Finanzrat: räsonniert nicht, sondern bezahlt! Der Geistliche: räsonniert nicht, sondern glaubt! (Nur ein einziger Herr in der Welt sagt: *räsonniert*, so viel ihr wollt, und worüber ihr wollt; *aber gehorcht!*) Hier ist überall Einschränkung der Freiheit. Welche Einschränkung aber ist der Aufklärung hinderlich? welche nicht, sondern ihr wohl gar beförderlich?—Ich antworte: der *öffentliche* Gebrauch seiner Vernunft muß jederzeit frei sein, und der allein kann Aufklärung unter Menschen zustandebringen; der *Privatgebrauch* derselben aber darf öfters sehr enge eingeschränkt sein, ohne doch darum den Fortschritt der Aufklärung sonderlich zu hindern. Ich verstehe aber unter dem öffentlichen Gebrauche seiner eigenen Vernunft denjenigen, den jemand als *Gelehrter* von ihr vor dem

некоторые из тех опекунов, которые сами неспособны ни к какому просвещению. Вот как вредно насаждать предрассудки, потому что в конце концов они мстят [за себя] тем, кто породил их, будь то современники или предшественники. По этой причине публика может достигнуть просвещения лишь через длительное время. Посредством революции можно добиться, пожалуй, устранения личного деспотизма, а также угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя осуществить истинного преобразования образа мышления; новые предрассудки, так же, как старые, будут служить помочами для бездумной толпы.

Для такого просвещения не требуется ничего кроме *свободы*, причем самой безобидной из всего того, что может называться свободой, а именно свободы во всех случаях *публично пользоваться своим разумом*[4]. Однако со всех сторон я слышу голоса: *не рассуждайте*! | Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! (Лишь один-единственный повелитель на свете[5] говорит: *рассуждайте* сколько угодно и о чем угодно, *но повинуйтесь*!) Здесь всюду—ограничение свободы. Однако какое ограничение препятствует просвещению, а какое не только не препятствует, но даже содействует ему?—Я отвечу: *публичное* применение своего разума всегда должно быть свободным, и оно одно может дать просвещение людям; но *частное его применение* нередко может быть очень ограничено, однако так, чтобы не особенно препятствовать прогрессу просвещения. Под публичным применением своего собственного разума я понимаю такое, которое осуществляет кто-то, например, *ученый*, [обращаясь ко] всей *читающей*

ganzen Publikum der *Leserwelt* macht. Den Privatgebrauch nenne ich denjenigen, den er in einem gewissen ihm anvertrauten *bürgerlichen* Posten oder Amte von seiner Vernunft machen darf. Nun ist zu manchen Geschäften, die in das Interesse des gemeinen Wesens laufen, ein gewisser Mechanism notwendig, vermittelst dessen einige Glieder des gemeinen Wesens sich bloß passiv verhalten müssen, um durch eine künstliche Einhelligkeit von der Regierung zu öffentlichen Zwecken gerichtet, oder wenigstens von der Zerstörung dieser Zwecke abgehalten zu werden. Hier ist es nun freilich nicht erlaubt, zu räsonnieren; sondern man muß gehorchen. Sofern sich aber dieser Teil der Maschine zugleich als Glied eines ganzen gemeinen Wesens, ja sogar der Weltbürgergesellschaft ansieht, mithin in der Qualität eines Gelehrten, der sich an ein Publikum im eigentlichen Verstande durch Schriften wendet: kann er allerdings räsonnieren, ohne daß dadurch die Geschäfte leiden, zu denen er zum Teile als passives Glied angesetzt ist. So würde es sehr verderblich sein, wenn ein Offizier, dem von seinen Oberen etwas anbefohlen wird, im Dienste über die Zweckmäßigkeit oder Nützlichkeit dieses Befehls laut vernünfteln wollte; er muß gehorchen. Es kann ihm aber billigermaßen nicht verwehrt werden, als Gelehrter über die Fehler im Kriegesdienste Anmerkungen zu machen und diese seinem Publikum zur Beurteilung vorzulegen. Der Bürger kann sich nicht weigern, die ihm auferlegten Abgaben zu leisten; sogar kann ein vorwitziger Tadel solcher Auflagen, wenn sie von ihm geleistet werden sollen, als ein Skandal (das allgemeine Widersetzlichkeiten veranlassen könnte) bestraft werden. Ebenderselbe handelt demungeachtet der Pflicht eines Bürgers nicht

публике. Частным же применением я называю такое, когда он может пользоваться своим разумом на определенном, доверенном ему *гражданском* посту или службе. Для многих дел, осуществляемых в интересах всего общества, необходим определенный механизм, при помощи которого некоторые члены общества могли бы вести себя лишь пассивно для того, чтобы правительство было в состоянии посредством искусственно создаваемого единодушия направлять их к общественным целям или, по крайней мере, удерживать от разрушения этих целей. Здесь, конечно, не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться. Но поскольку эта часть [общественного] механизма в то же время рассматривает себя и как члена известной общности и даже общности граждан мира, следовательно, в качестве ученого, обращающегося к публике посредством [своих] сочинений, исходя из собственного понимания, то он, конечно, может рассуждать без ущерба для дел, заниматься которыми ему поручено отчасти и как пассивному члену [общества]. Было бы, например, крайне пагубно, если бы офицер, получивший какой-нибудь приказ от своего начальства, стал бы, находясь на службе, вслух рассуждать относительно целесообразности или полезности этого приказа; он должен повиноваться. Однако, по справедливости, ему, как ученому, нельзя запретить делать свои замечания об ошибках в воинской службе и предлагать их для обсуждения своей публике. Гражданин не может отказываться от уплаты возложенных на него налогов; и если он обязан уплатить их, то может быть даже подвергнут наказанию за нескромное порицание такого налогообложения как за скандал (который мог бы вызвать всеобщее сопротивление). Но все же, несмотря на это, его действия не противоречат долгу граж-

entgegen, wenn er als Gelehrter wider die Unschicklichkeit | oder auch Ungerechtigkeit solcher Ausschreibungen öffentlich seine Gedanken äußert. Eben so ist ein Geistlicher verbunden, seinen Katechismusschülern und seiner Gemeinde nach dem Symbol der Kirche, der er dient, seinen Vortrag zu tun; denn er ist auf diese Bedingung angenommen worden. Aber als Gelehrter hat er volle Freiheit, ja sogar den Beruf dazu, alle seine sorgfältig geprüften und wohlmeinenden Gedanken über das Fehlerhafte in jenem Symbol und Vorschläge wegen besserer Einrichtung des Religions- und Kirchenwesens dem Publikum mitzuteilen. Es ist hiebei auch nichts, was dem Gewissen zur Last gelegt werden könnte. Denn was er zu Folge seines Amts als Geschäftsträger der Kirche lehrt, das stellt er als etwas vor, in Ansehung dessen er nicht freie Gewalt hat nach eigenem Gutdünken zu lehren, sondern das er nach Vorschrift und im Namen eines andern vorzutragen angestellt ist. Er wird sagen: unsere Kirche lehrt dieses oder jenes; das sind die Beweisgründe, deren sie sich bedient. Er zieht alsdann allen praktischen Nutzen für seine Gemeinde aus Satzungen, die er selbst nicht mit voller Überzeugung unterschreiben würde, zu deren Vortrag er sich gleichwohl anheischig machen kann, weil es doch nicht ganz unmöglich ist, daß darin Wahrheit verborgen läge, auf alle Fälle aber wenigstens doch nichts der innern Religion Widersprechendes darin angetroffen wird. Denn glaubte er das letztere darin zu finden, so würde er sein Amt mit Gewissen nicht verwalten können; er müßte es niederlegen. Der Gebrauch also, den ein angestellter Lehrer von seiner Vernunft vor seiner Gemeinde macht, ist bloß ein *Privatgebrauch:* weil diese immer nur eine

данина, когда он, если он ученый, публично высказывает свои мысли о неприемлемости | или даже о несправедливости подобных предписаний. Точно так же священнослужитель обязан читать проповеди своим ученикам, обучающимся закону божьему, и своей пастве согласно символу церкви, которой он служит, ибо на этом условии он и принят [на службу]. Но, выступая в качестве ученого, он располагает полной свободой и даже обязан сообщать публике свои тщательно проверенные и благонамеренные мысли об ошибках в упомянутом символе и свои предложения относительно лучшего устройства религиозных и церковных дел. В этом нет ничего такого, что могло бы отяготить его совесть, ибо то, чему он учит в качестве представителя церкви, в ходе своей службы он излагает как нечто, в отношении чего у него нет никакой свободы учить по собственному разумению, но что он должен излагать согласно предписанию и от имени кого-то другого. Он может сказать: наша церковь учит так-то и так-то; вот доказательства, которыми она пользуется. Он извлекает затем всю практическую пользу для своей общины из положений, которые сам не подписал бы с полной убежденностью, но к изложению которых он тем не менее выражает готовность, так как все же не исключена возможность, что в них скрыта истина и что, по крайней мере, во всех случаях они не содержат ничего, что противоречило бы внутренней религии. Ведь если бы он думал, что здесь можно найти противоречие, он не мог бы по совести отправлять свою службу и должен был бы сложить с себя [свой сан]. Следовательно, применение священником, поставленным в качестве учителя, своего разума перед своей паствой, есть только *частное его применение*, потому что [его] паства всегда составляет лишь домашнее, хотя и

häusliche, obzwar noch so große Versammlung ist; und in Ansehung dessen ist er als Priester nicht frei und darf es auch nicht sein, weil er einen fremden Auftrag ausrichtet. Dagegen als Gelehrter, der durch Schriften zum eigentlichen Publikum, nämlich der Welt, spricht, mithin der Geistliche im *öffentlichen Gebrauche* seiner Vernunft genießt einer uneingeschränkten Freiheit, sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen und in seiner eigenen Person zu sprechen. Denn daß die Vormünder des Volks (in geistlichen Dingen) selbst wieder unmündig sein sollen, ist eine Ungereimtheit, die auf Verewigung der Ungereimtheiten hinausläuft.

Aber sollte nicht eine Gesellschaft von Geistlichen, etwa eine Kirchenversammlung, oder eine ehrwürdige Classis (wie sie sich unter den Holländern selbst nennt), berechtigt sein, sich eidlich untereinander auf ein gewisses unveränderliches Symbol zu verpflichten, um so eine unaufhörliche Obervormundschaft über jedes ihrer Glieder und vermittels ihrer über das | Volk zu führen und diese sogar zu verewigen? Ich sage: das ist ganz unmöglich. Ein solcher Kontrakt, der auf immer alle weitere Aufklärung vom Menschengeschlechte abzuhalten geschlossen würde, ist schlechterdings null und nichtig; und sollte er auch durch die oberste Gewalt, durch Reichstage und die feierlichsten Friedensschlüsse bestätigt sein. Ein Zeitalter kann sich nicht verbünden und darauf verschwören, das folgende in einen Zustand zu setzen, darin es ihm unmöglich werden muß, seine (vornehmlich so sehr angelegentlichen) Erkenntnisse zu erweitern, von Irrtümern zu reinigen und überhaupt in der Aufklärung weiter zu schreiten. Das wäre ein Verbrechen wider die menschliche Natur, deren ursprüngliche Bestimmung gerade in

достаточно большое собрание [людей], ввиду чего, будучи священником, он не свободен и не может быть свободным, так как выполняет чужое поручение. Напротив, в качестве ученого, говорящего посредством сочинений с собственной публикой, а именно с миром, следовательно, при *публичном применении* своего разума, духовное лицо располагает неограниченной свободой пользоваться своим собственным разумом и говорить от своего собственного лица. В самом деле, полагать, что сами опекуны народа (в духовных вещах) опять-таки должны быть несовершеннолетними, было бы нелепостью, увековечивающей [другие] нелепости.

Но не было ли бы вправе некое сообщество духовных лиц, нечто вроде церковного собрания, или некий уважаемый класс (как он сам себя именует в Голландии) клятвенно обязать всех к принятию определенного неизменного символа для того, чтобы ввести постоянную верховную опеку над каждым своим членом и через них над | народом и даже увековечить ее? Я говорю: это совершенно невозможно. Ведь подобный договор, заключенный на все времена с целью удержать человеческий род от дальнейшего просвещения, был бы абсолютно недействительным, даже если бы он был утвержден верховной властью, рейхстагом и самыми торжественными мирными договорами. Ни одна эпоха не может связать себя обетом и поклясться в том, что она поставит следующую [эпоху] в [такое] положение, когда для той стало бы невозможно расширить свои (прежде всего настоятельно необходимые) познания, избавиться от ошибок и вообще двигаться вперед в просвещении. Это было бы преступлением против человеческой природы, первоначальное предназначение которой состоит как раз в таком поступа-

diesem Fortschreiten besteht; und die Nachkommen sind also vollkommen dazu berechtigt, jene Beschlüsse, als unbefugter und frevelhafter Weise genommen, zu verwerfen. Der Probierstein alles dessen, was über ein Volk als Gesetz beschlossen werden kann, liegt in der Frage: ob ein Volk sich selbst wohl ein solches Gesetz auferlegen könnte. Nun wäre dieses wohl gleichsam in der Erwartung eines bessern auf eine bestimmte kurze Zeit möglich, um eine gewisse Ordnung einzuführen: indem man es zugleich jedem der Bürger, vornehmlich dem Geistlichen frei ließe, in der Qualität eines Gelehrten öffentlich, d. i. durch Schriften, über das Fehlerhafte der dermaligen Einrichtung seine Anmerkungen zu machen, indessen die eingeführte Ordnung noch immer fortdauerte, bis die Einsicht in die Beschaffenheit dieser Sachen öffentlich so weit gekommen und bewährt worden, daß sie durch Vereinigung ihrer Stimmen (wenn gleich nicht aller) einen Vorschlag vor den Thron bringen könnte, um diejenigen Gemeinden in Schutz zu nehmen, die sich etwa nach ihren Begriffen der besseren Einsicht zu einer veränderten Religionseinrichtung geeinigt hätten, ohne doch diejenigen zu hindern, die es beim Alten wollten bewenden lassen. Aber auf eine beharrliche, von niemandem öffentlich zu bezweifelnde Religionsverfassung auch nur binnen der Lebensdauer eines Menschen sich zu einigen und dadurch einen Zeitraum in dem Fortgange der Menschheit zur Verbesserung gleichsam zu vernichten und fruchtlos, dadurch aber wohl gar der Nachkommenschaft nachteilig zu machen, ist schlechterdings unerlaubt. Ein Mensch kann zwar für seine Person und auch alsdann nur auf einige Zeit in dem, was ihm zu wissen obliegt, die Aufklärung aufschieben; aber auf sie Verzicht

тельном движении; и будущие поколения имели бы, таким образом, полное право отбросить подобные решения как неправомочно и кощунственно принятые. Критерий всего того, что может быть принято в качестве закона для народа, заключается в вопросе: принял бы народ сам для себя такой закон? Правда, он мог бы быть принят на какое-то короткое время, как бы в ожидании чего-то лучшего, просто для введения определенного порядка; вместе с тем каждому гражданину, прежде всего духовному лицу, позволялось бы свободно и в качестве ученого публично, т. е. посредством сочинений, делать свои замечания относительно ошибочности существующего устройства. При этом введенный порядок все еще продолжал бы действовать до тех пор, пока [новый] взгляд на свойство упомянутых дел публично не распространился бы и не был бы доказан настолько, что ученые, объединив свои голоса (пусть не все), могли бы представить перед троном предложение о том, чтобы взять под защиту те общины, которые единодушны в своем понимании наилучшего осуществления изменившегося религиозного устройства, не препятствуя, однако, и тем, которые хотели бы придерживаться старого. Но совершенно недопустимо соглашаться с неким постоянным, не подвергнутым ни с чьей стороны публичному сомнению религиозным установлением, пусть даже на время жизни одного человека, и в результате исключить какой-то промежуток времени из движения человечества к совершенствованию, сделав этот промежуток бесплодным, а тем самым даже вредным для последующих поколений. Хотя человек может—для себя лично и даже тогда лишь на некоторое время и в том, что ему надлежит знать—откладывать просвещение, но вообще отказаться от него для себя самого и тем более

zu tun, es sei für seine Person, mehr aber noch für die Nachkommenschaft, heißt die heiligen Rechte der Menschheit verletzen und mit Füßen treten. Was aber nicht einmal ein Volk über sich selbst beschließen | darf, das darf noch weniger ein Monarch über das Volk beschließen; denn sein gesetzgebendes Ansehen beruht eben darauf, daß er den gesamten Volkswillen in dem seinigen vereinigt. Wenn er nur darauf sieht, daß alle wahre oder vermeinte Verbesserung mit der bürgerlichen Ordnung zusammen bestehe: so kann er seine Untertanen übrigens nur selbst machen lassen, was sie um ihres Seelenheils willen zu tun nötig finden; das geht ihn nichts an, wohl aber zu verhüten, daß nicht einer den andern gewalttätig hindere, an der Bestimmung und Beförderung desselben nach allem seinem Vermögen zu arbeiten. Es tut selbst seiner Majestät Abbruch, wenn er sich hierin mischt, indem er die Schriften, wodurch seine Untertanen ihre Einsichten ins Reine zu bringen suchen, seiner Regierungsaufsicht würdigt, sowohl wenn er dieses aus eigener höchsten Einsicht tut, wo er sich dem Vorwurfe aussetzt: Caesar non est supra Grammaticos, als auch und noch weit mehr, wenn er seine oberste Gewalt so weit erniedrigt, den geistlichen Despotism einiger Tyrannen in seinem Staate gegen seine übrigen Untertanen zu unterstützen.

Wenn denn nun gefragt wird: leben wir jetzt in einem *aufgeklärten* Zeitalter? so ist die Antwort: Nein, aber wohl in einem Zeitalter der *Aufklärung*. Daß die Menschen, wie die Sachen jetzt stehen, im Ganzen genommen, schon imstande wären, oder darin auch nur gesetzt werden könnten, in Religionsdingen sich ihres eigenen Verstandes ohne Leitung eines andern sicher und gut zu bedienen,

для последующих поколений, означает нарушение и попрание священных прав человечества. Но что не может решить | относительно самого себя народ, еще менее правомочен решать относительно народа монарх, поскольку его авторитет законодателя основывается как раз на объединении в его воле всеобщей воли народа. Если он уделяет внимание лишь тому, чтобы всякое истинное или мнимое усовершенствование согласовывалось с гражданским порядком, он может позволить своим подданным делать только то, что они считают необходимым для спасения своей души. Это его не касается, хотя он должен предостеречь одних от того, чтобы препятствовать другим выяснять, в чем состоит спасение души, и даже содействовать такому выяснению по мере своих возможностей. Он сам наносит ущерб своему величию, вмешиваясь в данный процесс и подвергая правительственному надзору сочинения, в которых его подданные пытаются уяснить свои взгляды. И поскольку он совершает это, исходя из собственного высшего усмотрения, он заслуживает упрека: Caesar non est supra grammaticos[6]. В еще большей мере он заслуживает его тогда, когда принижает [свою] верховную власть до того, чтобы поддерживать в своем государстве духовный деспотизм некоторых тиранов над остальными своими подданными.

Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный век*, то ответом будет: нет, но мы живем в век *Просвещения*. Еще слишком многого недостает для того, чтобы при сложившемся положении вещей в целом люди уже были бы или только могли бы быть в состоянии надежно и хорошо пользоваться своим собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны кого-либо другого. И однако уже имеются явные

daran fehlt noch sehr viel. Allein daß jetzt ihnen doch das Feld geöffnet wird, sich dahin frei zu bearbeiten, und die Hindernisse der allgemeinen Aufklärung, oder des Ausganges aus ihrer selbst verschuldeten Unmündigkeit allmählich weniger werden, davon haben wir doch deutliche Anzeigen. In diesem Betracht ist dieses Zeitalter das Zeitalter der Aufklärung, oder das Jahrhundert *Friederichs*.

Ein Fürst, der es seiner nicht unwürdig findet, zu sagen: daß er es für *Pflicht* halte, in Religionsdingen den Menschen nichts vorzuschreiben, sondern ihnen darin volle Freiheit zu lassen, der also selbst den hochmütigen Namen der *Toleranz* von sich ablehnt, ist selbst aufgeklärt und verdient von der dankbaren Welt und Nachwelt als derjenige gepriesen zu werden, der zuerst das menschliche Geschlecht der Unmündigkeit wenigstens von Seiten der Regierung entschlug und jedem frei ließ, sich in allem, was Gewissensangelegenheit ist, seiner eigenen Vernunft zu bedienen. Unter ihm dürfen verehrungswürdige Geistliche unbeschadet ihrer Amtspflicht ihre vom angenommenen Symbol hier oder da abwei|chenden Urteile und Einsichten in der Qualität der Gelehrten frei und öffentlich der Welt zur Prüfung darlegen; noch mehr aber jeder andere, der durch keine Amtspflicht eingeschränkt ist. Dieser Geist der Freiheit breitet sich auch außerhalb aus, selbst da, wo er mit äußeren Hindernissen einer sich selbst mißverstehenden Regierung zu ringen hat. Denn es leuchtet dieser doch ein Beispiel vor, daß bei Freiheit für die öffentliche Ruhe und Einigkeit des gemeinen Wesens nicht das Mindeste zu besorgen sei. Die

признаки того, что все же [именно] теперь открывается простор для свободного совершенствования в этом, а препятствий к всеобщему просвещению, или выходу из сложившегося по собственной вине людей состояния несовершеннолетия, постепенно становится все меньше. В этом отношении наш век есть век Просвещения, или век *Фридриха*.

Государя, который не находит недостойным для себя сказать, что его *долг*—ничего не предписывать людям в религиозных делах, но предоставлять им здесь полную свободу, который, таким образом, отказывается даже от гордого имени *веротерпимого*, следует считать просвещенным. Он заслуживает того, чтобы благодарные современники и потомки воздали ему должное как государю, прежде всего избавившему род человеческий от несовершеннолетия, по крайней мере, от опеки со стороны правительства, предоставив каждому свободу пользоваться своим собственным разумом во всех делах, касающихся совести. При его правлении досточтимые представители духовенства без ущерба для своего служебного долга могут свободно и публично, как ученые, предлагать общественности для проверки свои суждения и взгляды, отклоняющиеся | в том или ином отношении от принятой [церковной] символики; в еще большей мере такое доступно каждому, кто не ограничен служебным долгом. Этот дух свободы распространяется также и во вне, даже в том направлении, где он должен натолкнуться на внешние препятствия со стороны правительства, неправильно понимающего самого себя. Последнее получило бы ясный пример того, что в условиях свободы нет ни малейшей надобности заботиться об общественном спокойствии и согласии.

Menschen arbeiten sich von selbst nach und nach aus der Rohigkeit heraus, wenn man nur nicht absichtlich künstelt, um sie darin zu erhalten.

Ich habe den Hauptpunkt der Aufklärung, d.i. des Ausganges der Menschen aus ihrer selbst verschuldeten Unmündigkeit, vorzüglich in *Religionssachen* gesetzt: weil in Ansehung der Künste und Wissenschaften unsere Beherrscher kein Interesse haben, den Vormund über ihre Untertanen zu spielen; überdem auch jene Unmündigkeit, so wie die schädlichste, also auch die entehrendste unter allen ist. Aber die Denkungsart eines Staatsoberhaupts, der die erstere begünstigt, geht noch weiter und sieht ein: daß selbst in Ansehung seiner *Gesetzgebung* es ohne Gefahr sei, seinen Untertanen zu erlauben, von ihrer eigenen Vernunft *öffentlichen* Gebrauch zu machen und ihre Gedanken über eine bessere Abfassung derselben sogar mit einer freimütigen Kritik der schon gegebenen der Welt öffentlich vorzulegen; davon wir ein glänzendes Beispiel haben, wodurch noch kein Monarch demjenigen vorging, welchen wir verehren.

Aber auch nur derjenige, der, selbst aufgeklärt, sich nicht vor Schatten fürchtet, zugleich aber ein wohldiszipliniertes zahlreiches Heer zum Bürgen der öffentlichen Ruhe zur Hand hat, kann das sagen, was ein Freistaat nicht wagen darf: *räsonniert, soviel ihr wollt, und worüber ihr wollt; nur gehorcht!* So zeigt sich hier ein befremdlicher, nicht erwarteter Gang menschlicher Dinge; so wie auch sonst, wenn man ihn im Großen betrachtet, darin fast alles paradox ist. Ein größerer Grad bürgerlicher Freiheit scheint der Freiheit des *Geistes* des Volks vorteilhaft und setzt ihr doch unübersteigliche Schranken; ein Grad weniger von jener verschafft hingegen diesem

Люди сами выберутся постепенно из невежества, если только никто не будет умышленно удерживать их в этом состоянии.

Я выделил основной момент просвещения, который состоит в выходе людей из возникшего по их собственной вине состояния несовершеннолетия преимущественно в *делах религии*, потому что в отношении наук и искусств наши правители вовсе не заинтересованы в роли опекунов над своими подданными; кроме того, такое несовершеннолетие есть не только наиболее вредное, но и наиболее позорное. Однако в своем образе мыслей глава государства, способствующий просвещению в делах религии, идет еще дальше: он понимает, что даже в отношении его *законодательства* нет никакой опасности в том, чтобы позволить своим подданным *публично* пользоваться собственным разумом и открыто предлагать [миру] свои мысли о его лучшем устройстве, даже вместе с откровенной критикой уже существующего законодательства. Мы имеем тому блестящий пример,—он учит, что ни один из монархов не превзошел того, кого мы [так] почитаем[7].

Однако лишь государь, который, будучи сам просвещенным, не боится [собственной] тени, хотя и содержит хорошо дисциплинированную многочисленную армию для охраны общественного спокойствия, может рискнуть сказать то, на что не отважится свободное государство [республика]: *рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!* Таков странный и неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще, если рассматривать их в целом, то почти все здесь парадоксально. Бóльшая степень гражданской свободы кажется предпочтительней свободы *духа* народа, и все же первая ставит последней непреодолимые преграды. Напротив, меньшая степень [граж-

Raum, sich nach allem seinem Vermögen auszubreiten. Wenn denn die Natur unter dieser harten Hülle den Keim, für den sie am zärtlichsten sorgt, nämlich den Hang und Beruf zum freien *Denken*, ausgewickelt hat: so wirkt dieser allmählich zurück auf die Sinnesart des Volks (wodurch dieses der *Freiheit zu handeln* nach und nach fähiger wird) und endlich auch sogar auf die Grundsätze der *Regierung*, die es ihr selbst zuträglich findet, | den Menschen, der nun *mehr als Maschine* ist, seiner Würde gemäß zu behandeln*.

Königsberg in Preußen, den 30. Septemb. 1784.

*In den *Büsching*'schen wöchentlichen Nachrichten vom 13. Sept. lese ich heute den 30sten eben dess. die Anzeige der Berlinischen Monatschrift von diesem Monat, worin des Herrn *Mendelssohn* Beantwortung eben derselben Frage angeführt wird. Mir ist sie noch nicht zu Händen gekommen; sonst würde sie die gegenwärtige zurückgehalten haben, die jetzt nur zum Versuche da stehen mag, wiefern der Zufall Einstimmigkeit der Gedanken zuwege bringen könne.

данской свободы] открывает простор для развития всех способностей народного духа. И так как природа сформировала под этой твердой оболочкой зародыш, о котором она самым нежным образом заботится, а именно склонность и призвание к свободному *мышлению*, то этот зародыш в свою очередь воздействует исподволь на образ мыслей народа (благодаря чему народ становится все более способным *действовать свободно*) и даже, наконец, на принципы *правительства*, считающего для самого себя полезным | обращаться с человеком, который есть *нечто большее, чем машина*, сообразно его достоинству*.

Кенигсберг, Пруссия, 30 сентября, 1784.

* В «Wöchentliche Nachrichten» *Бюшинга*[8] от 13 сентября я прочитал сегодня, 30 числа сего месяца, ссылку на номер «Berlinische Monatschrift»[9] за этот месяц, в котором опубликован ответ г-на *Мендельсона* по тому же вопросу. Я этот номер еще не получил, иначе воздержался бы от ответа, который здесь может [рассматриваться] только как попытка такового, когда случайно возможно совпадение мыслей.